

Марек Лазинский

Польша, Варшавский университет

Функции инфинитива в польском и русском языках: корпусный анализ

Ключевые слова: инфинитив, герундий (*nomen actionis*), глагольное дополнение, целевое предложение

Key words: infinitive, gerund (verbal noun), verbal object, final clause

Abstract

The paper presents a corpus-based analysis of the use of infinitives in Polish and Russian. Infinitive is a non-finite verb form developed from a verbal noun, preserving both nominal and verbal syntactic properties. The queries performed in the Polish-Russian Parallel Corpus and in the Parallel Corpus ParaSOL show that Russian more often than Polish allows the infinitive as a main predicate in a sentence and as a verb object. Polish, as well as other West Slavic languages, uses predominantly finite verb forms in the first function and verbal nouns in the latter. When compared with other Slavic languages, the Polish infinitive reveals another essential distinctive property: like East Slavic languages Polish allows the final infinitive clause with the conjunction *żeby*, while other Slavic languages do not. The use of verbal nouns is extremely frequent in Polish, not only in comparison with Russian but also with other West Slavic languages. To obtain a more comprehensive analysis of Slavic infinitive, a matrix of all uses of infinitives in the text of the novel *Kak zakoljalas' stal'* and its translations into Slavic languages has been prepared and visualised by means of specialized software. The graph confirms a proximity within the East Slavic and the West Slavic groups – with the exception of Polish, which remains distant from both groups.

Главная цель статьи – описать на базе корпусов различия между польским и русским инфинитивами и представить их на более широком фоне. Вторичная, но тоже важная цель, – проиллюстрировать возможности применения Польско-русского корпуса Варшавского университета в теоретической лингвистике (ср. Łaziński, Kuratczyk в этом сборнике), причем исследование проведено по материалам разных параллельных корпусов, в том числе параллельного корпуса славянских языков ParaSOL (<http://parasol.unibe.ch>).

Инфинитив – это прежняя именная форма, потерявшая именные морфологические признаки, но сохранившая при этом свой синтаксический потенциал (например, возможность выступать в роли дополнения). Именные

предикативные функции конкурируют с глагольными, причем в разных языках пропорции между этими функциями укладываются по-разному.

Инфинитив в роли предиката главного предложения в польском языке появляется намного реже, чем в русском. Как и во всех европейских языках, польский инфинитив обладает, конечно, императивной функцией в главном предложении и может употребляться в вопросительных предложениях. Польский императивный инфинитив употребляется в категорических приказах и запретах и непригоден для выражения просьбы, совета ни даже вежливого поручения. Чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить команды MS Windows, которые из всех славянских языков только в польском, а также в сербском и хорватском, стоят в императиве. Ср., например: *Zapisz, Kopiuj, Wklej* с русскими *Сохранить, Копировать, Вставить*.

Польские вопросы с императивом в главном члене выражают, как правило, общую точку зрения или внутреннее принуждение: *Co robić? Co mi biednemu począć?* Русские же таких ограничений не имеют: *Вам на какой остановке выходить?* (польск. *Na którym przystanku pan(i) wysiada?*).

Самые большие различия между обоими языками наблюдаются в утвердительных предложениях. Повсеместность инфинитивных предикатов в русском языке может интерпретироваться даже в символических или психолингвистических категориях. Итак, по А. Вежбицкой, русский язык воплощает пациентивный подход к жизни (в то время как западные языки – агентивный), о чем свидетельствует, в частности, обилие инфинитивных предложений [Wierzbicka 1997]. Западные языки вообще обладают большим количеством личных конструкций по сравнению со славянскими, особенно с русскими. Достаточно вспомнить славянские модальные предикативы типа *trzeba, надо* (стоит помнить, что обладающие личными формами польское *musieć* или чешское *muset* являются германскими заимствованиями).

Даже если не вникать в соотношения между грамматической структурой языка и психикой говорящих, нельзя не согласиться с фактами, приведенными автором в подтверждение своего тезиса. А. Вежбицкая выделяет четыре основных типа модального инфинитива, которые передают различные значения [Wierzbicka 1997: 60, passim]:

1. Я хочу ‘I want’

‘(Кто-то) не может сделать то, что хотел бы’ (‘What one wants (or might want) one cannot do’) (агентивный глагол, субъект в дательном падеже)

- *Ни пройти, ни проехать.*
- *Без всенародного голосования – этого не решить.*

То, чего я хочу, может не произойти ‘What I want may not happen’ (чаще неагентивный глагол без дательного субъекта)

- *Быть первым, вольно одиноким! / И видеть, что близка мета... (Брюсов)*

2. ‘Было бы хорошо/плохо’ (‘It would be good/bad’)

Желание чего-то самому себе ‘Personal wish’

(агентивный глагол с частицей *бы*)

- *Сейчас бы закурить.*
Желание, направленное на другое лицо ‘A wish directed to somebody else’
 - *Елена, тебе бы в министрах быть!*
Опасение ‘Apprehension, that sth. bad can happen’
 - *Безобразно дрожали руки... Стакан бы не выронить.*
3. ‘Мне следовало бы’ (‘I should’)
Текущие обязанности ‘Current obligation’
- *Нам с тобой идти пора.*
Не известно, что следует делать или как ‘One doesn’t know what one should do or how’
 - *Но что же делать?*
4. ‘Мне необходимо’ (‘I have to’)
Насущная необходимость ‘Present necessity’
(меньшая степень контроля над событиями, чем в случае 3.)
- *Ты не пей много. [...] Тебе машину вести.*

Указанные типы употребления модального инфинитива не являются единственно возможными. Альтернативные типы выделяли в русском языке также Ж. Веренк [Veugens 1979], В. М. Брицын [Брицын 1990], Д. Вайс [Weiss 1993], Ф. Морис [Maurice 1996], М. А. Шелякин [Шелякин 2006], с той разницей, что без психолингвистических импликаций.

В истории польского языка прослеживается тенденция к ограничению модальных функций инфинитива. Еще сто лет тому назад инфинитивные предложения с личным субъектом считались вполне приемлемыми:

(1) *Wam, panowie, kury szczać prowadzać, a nie politykę robić (Piłsudski do współpracowników w roku 1918);*

Вам, господа, кур сикать водить, а не политикой заниматься (Ю. Пилсудский к своим сотрудникам в 1918 г.).

Двести лет тому назад возможны были даже модальные предложения с неличным субъектом.

(2) *Póki Ponarom stać, Niemnowi płynąć / Dopóty w Litwie Sopliców imieniowi słynać (A. Mickiewicz, Pan Tadeusz);*

Пока течь Неману и выситься Понарам / Соплицам славиться во всей Литве недаром (А. Мицкевич, *Пан Тадеуш*).

Такие предложения сегодня даже в русском языке стилистически маркированы.

(3) *Я знаю – / город / будет, / я знаю – / саду цвествь, / когда / такие люди / в стране / советской / есть! (В. Маяковский, Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка).*

Также инфинитив в императивном значении не всегда обладал в польском языке иллюкутивной силой категорического приказа. 350 лет тому назад король Ян III Собеский писал любимой жене из-под Вены так:

(4) A nie mieć mi za złe, jeśli czasem pisać nie przyjdzie, bo naprzód to widzieć, w jakich mię poczta zastanie zabawach [Pisarkowa 1984: 185];

А не ставить мне в упрек, если время от времени писать не получится, ибо откуда заранее видеть, при каких играх почта меня застигнет.

Количественные и дистрибутивные различия между польским и русским языками касаются не только позиции основного предиката главного предложения. В польском языке намного реже инфинитив употребляется в функции дополнения, так как эту роль выполняет герундий (*nomen actionis*), ср.:

(5) Wreszcie Bernard przerwał milczenie (U. Eco, *Imię róży*);

Наконец Берtrand нарушил молчание (У. Эко, *Имя розы*);

(6) Moim obowiązkiem było chronienie biblioteki (*Imię róży*);

Мой долг был защищать библиотеку (*Имя розы*).

Если в функции дополнения польский инфинитив лишь незначительно уступает место герундию, то определения, выраженные инфинитивом, в западнославянских языках являются чрезвычайной редкостью. Хорошим примером может быть следующая цитата из Евангелия:

Εχων οτα ακουειν ακουετω (Мф. 11:15);

(7) Imějeti ouši slūšati. da slūšit (Зографское Евангелие);

Kto ma uszy ku słuchaniu, niechaj słucha (Biblia Wujka); Biblia Tysiąclecia: do słuchania;

Kdo má uši k slyšení, slyš (Bible kralická);

Кто имеет уши слышать, да слышит (Синодальный перевод).

В Несвижской Библии XVI в. в переводе Симона Будного, обнаруживающем явное влияние белорусского языка, читаем:

(7') Kto ma uszy słuchać, niech słyszy (Biblia nieświeska).

С точки зрения использования инфинитива в целевых предложениях польский язык намного ближе восточнославянским, чем западнославянским. Конструкция с союзом *by* и инфинитивом образует целевое предложение при условии тождества субъекта с субъектом главного предложения. Западнославянские языки, кроме польского, и многие южнославянские используют в таких случаях причастие прошедшего времени на *-l* (в болгарском и македонском употребляется форма *praesentis*).

(8) ...он дурачком прикидывается, чтобы выпросить кое-что (М. Булгаков, *Мастер и Маргарита*);

Udaje głupiego, **żeby** wypytać o to i owo (M. Bułhakow, *Mistrz i Małgorzata*);

...dělá ze sebe hlupáka, aby z nás něco vytáhl (M. Bulgakov, *Mistr a Markétka*).

Восточнославянские языки отдают предпочтение целевому инфинитиву также в случае отсутствия тождества субъектов обеих действий в качестве дополнения к директивным глаголам, например:

(9) В заключение попросили рассказать о вчерашнем происшествии на Патриарших прудах... (*Мастер и Маргарита*);

Wreszcie poprosili, by opowiedział, co zaszło wczoraj na Patriarszych Prudach... (*Mistrz i Małgorzata*).

(10) ... жестом предложил Маргарите сесть... (*Мастер и Маргарита*);

... gestem zaproponował Małgorzacie, by usiadła... (*Mistrz i Małgorzata*).

(11) Жилец приказал Анфисе [...] **сказать**, в случае если ему будут звонить, что он вернется через десять минут... (*Мастер и Маргарита*);

Lokator polecił [...] Anfisie, by w razie telefonu **powiedziała**, że wróci za dziesięć minut... (*Mistrz i Małgorzata*).

В польском языке конструкции типа *Gospodarz prosił gości siadać* относятся к сильно архаичным, а форма первого лица *proszę siadać* грамматикализировалась, превращаясь в частицу, образующую форму наклонения (ср. *partykuła trybotwórcza* [Bartnicka 1982]). Несмотря на то, что глагол *polecić* допускает сочетания с инфинитивом, переводчики *Мастера и Маргариты* более естественной сочли конструкцию с причастием на *-l*.

Итак, польские целевые инфинитивные конструкции занимают среднее место между западно- и восточнославянскими языками, ближе им все-таки к восточнославянским.

Целевым инфинитивом мы считаем не только формальный компонент сложноподчиненных целевых предложений, но и все инфинитивные формы, которые с семантической точки зрения реализуют – основную для развития этой формы – целевую или директивную функцию [ср. Haspelmath 1989]. Сложноподчиненные целевые предложения восточнославянских языков проявляют удивительное сходство с соответствующими западноевропейскими – английскими, немецкими, французскими – конструкциями с *to*, *ut* *zu* или *pour* с инфинитивом.

Формы будущего времени, содержащие инфинитив глагола несовершенного вида, образуются во всех северославянских языках, однако лишь в польском кроме этой конструкции используется равноправная ей конструкция с причастием на *-l*. Хотя формы с причастием употребляются реже, чем формы с инфинитивом, сам факт вариативности данного типа является, несомненно, одной из причин более низкой текстовой частотности польского инфинитива по сравнению с русским.

Следующей высокочастотной сферой употребления русского инфинитива являются его сочетания с фазовыми глаголами типа *стать*, *продолжать*. Их многочисленность, не свойственная ни польскому, ни чешскому языку, вытекает из специфики русского несовершенного вида. В отличие от польского языка русский, как правило, не допускает использования глагола несовершенного вида для названия очередного действия, если предыдущее было выражено формой совершенного вида. Последующее действие выражается, как правило, сочетанием фазового глагола *стать* с инфинитивом:

(12) ...покинув мысль о ней, стал **размышлять** Иван о том, что, по сути дела, в клинике очень неплохо... (*Мастер и Маргарита*);
 Iwan, zarzuciwszy rozważania o niej, **rozmyślał** o tym, że w klinice jest w gruncie rzeczy zupełnie nieźle... (*Mistrz i Małgorzata*).

(13) Увидев Маргариту, толстяк стал **вглядываться** (*Мастер и Маргарита*);
 Na widok Małgorzaty grubas zagapił się na nią (*Mistrz i Małgorzata*).

В примере 12 первое действие, выраженное деепричастием глагола сов. вида *покинуть*, опережает процессное действие – *размышлять*. По-польски этот процесс можно назвать, используя просто глагол несов. вида, в то время как в русском нужен явный показатель процессности, указывающий на начальный этап в совершении действия. По сравнению с польским языком употребление в русском языке формы сов. вида в намного большей степени зависит от структуры текста, чем от характера обозначаемого действия. По словам С. М. Дики, временная определенность последовательности действий является определяющим признаком русского вида [Dickey 2000]. Стоит заметить, что чешский язык для названия нескольких следующих друг за другом событий допускает употребление глаголов несов. вида в еще большей степени, чем польский.

Композиция повествования в русском языке влияет на более частое употребление фазовых глаголов даже в сочетаниях с глаголами, обозначающими несобытийные действия:

(14) Szczuka ciągle chodził po swoim pokoju (J. Andrzejewski, *Popiół i diament*);
 Щука продолжал ходить за стеной (Е. Анджеевский, *Пепел и алмаз*).

Учитывая представленные подробные функции, функциональную нагрузку инфинитива в северовосточных языках можно представить следующим образом (табл. 1).

Обозначения: плюс – типичное использование инфинитива в данной функции, минус – невозможность использования, плюс в скобках – употребление стилистически или семантически ограничено, минус в скобках – эпизодическое употребление.

Соотношение плюсов и минусов в таблице однозначно показывает, что польский инфинитив функционально менее нагружен по сравнению с русским. В сопоставлении с чешским польский инфинитив сильнее представлен в роли предиката сложноподчиненных целевых предложений, слабее – в императивных предложениях.

Указанные функциональные различия инфинитива в славянских языках можно подтвердить корпусными данными. В параллельном корпусе славянских языков ParaSOL были найдены все формы русского инфинитива и соответствующие им слова в переводах трех романов: *Мастер и Маргарита* М. Булгакова, *Как закалялась сталь* Н. Островского и *Солярис* С. Лема на северославянские языки (кроме лужицких), словенский и хорватский.

Функции инфинитива	русский белорусский украинский	польский	чешский словацкий
предикат главного побудительного предложения	+	(+)	+
предикат главного вопросительного предложения	+	+	+
предикат главного повествовательного предложения	+	(—)	(—)
предикат сложноподчиненного целевого предложения	+	+	—
глагольное дополнение	+	(+)	(+)
временная конструкция с фазовым глаголом (типа <i>zaczqć</i>) для выражения последующего действия	+	(+)	(—)
восполнение прилагательного или несогласованное определение	+	(—)	(+)
будущее время глаголов нсв вида	+	(+)	+

Табл. 1. Функциональная нагрузка инфинитива в северо-восточных языках

Соответствующие друг другу предложения были подвергнуты статистическому выравниванию слово к слову (*word to word alignment*), а затем проверялось, насколько часто русский инфинитив соответствует инфинитиву, а насколько часто другим глагольным формам отдельных языков. На такой основе была создана матрица, в которой каждому употреблению русского инфинитива соответствует в колонках или 1 – инфинитив, или 0 – другая форма. На основании этой матрицы статистическая программа позволила создать визуализацию сходств и различий славянских языков в сфере употребления инфинитива. Ниже приводится такого типа визуализация для переводов романа Н. Островского (рис. 1).

Представленная исследовательская процедура имела своим образцом сравнительное изучение славянского вида по данным корпуса ParaSOL [Waldenfels 2012]¹.

Конечно, кроме указанных системных диспропорций, существуют также другие различия в употреблении инфинитива. Некоторые из них касаются отдельных лексем, как, например, русское *может быть*, которому обычно соответствует простое *može*.

¹ Автор приносит глубокую благодарность Рупрехту фон Вальденфельсу за помощь в проведении исследования.

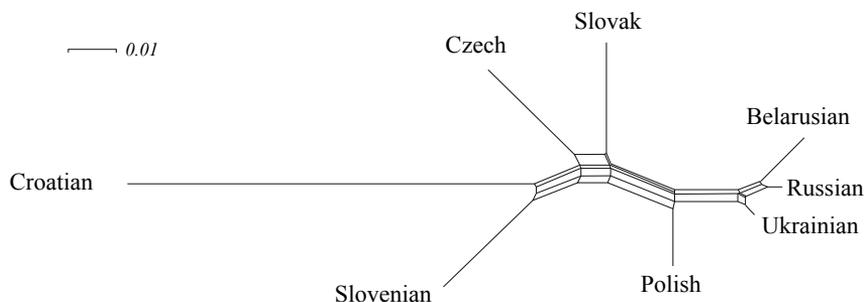

Рис. 1. Сходства и различия славянских языков по отношению к русскому инфинитиву

Результаты выравнивания слово к слову не свободны, конечно, от ошибок, однако они не оказывают существенного влияния на общую тенденцию. Эта тенденция однозначно показывает, что с точки зрения употребления инфинитива польский язык существенно отличается как от западно-, так и от восточнославянских языков. Уже хотя бы поверхностное исследование демонстрирует, что первое различие имеет своей причиной отсутствие инфинитивных целевых предложений в чешском и словацком языках. Расхождения же между польским и русским вызваны спецификой восточнославянского предикативного инфинитива, которому в польском языке соответствуют личные формы, а также использованием инфинитива в функции определения и дополнения, в которых в польском языке употребляется герундий.

Для наглядности можно привести статистические данные. В 5763 предложениях оригинала романа Н. Островского выступает 513 форм инфинитива. В украинском переводе им соответствуют 482 инфинитивные формы, в польском – 430, а в чешском – 337. Украинский инфинитив, хотя в переводе встречается реже, чем в русском оригинале, обладает практически одинаковой дистрибуцией: 476 из 482 украинских инфинитивов соответствует русским. Для польского и чешского языков данные показывают другое: польский инфинитив соответствует русскому в 376 случаях, а чешский – только в 247. В свою очередь, чешский инфинитив соответствует польскому лишь 184 раза.

Польский инфинитив функционально слаб не только на фоне русского языка, но и на фоне западноевропейских языков. К такому выводу пришел М. Гавелко [Gawelko 2006], устанавливая соотношение инфинитивных определений и дополнений в корпусе художественных переводов на разные романские и германские языки объемом в 400 тысяч слов.

	Польск.	Франц.	Исп.	Порт.	Рум.	Итал.	Анг.	Нем.
Определение	23	154	98	114	36	122	12	96
Дополнение прилагательного	47	55	48	53	5	45	82	38
АСІ	0	85	85	86	0	103	57	50
Всех инфинитивов	903	1404	1433	1512	172	1161	854	824

Табл. 2. Соотношение инфинитивных определений и дополнений

Для более подробного рассмотрения соотношения польского герундия с русским инфинитивом проведем еще соответствующий поиск в П-РК Варшавского университета. Поскольку в нынешней версии корпуса построение параллельного запроса по морфологическим категориям невозможно, мы использовали для обоих языков следующие шаблоны поиска:

– для польского инфинитива:

.*ać|. *ać|. *eć|. *ić|. *uć|. *yć|. *paść|. *kłaść|. *ąść|. *mieść|. *nieść|. *wieść|. *jeść|. *pleść|. *jść|. *óść|. *dość|. *źć;

– и для русского:

.*ать|. *ить|. *еть|. *оть|. *уть|. *ють|. *ять|. *ыть|. *сти|. *зти|. *дти|. *йти (быть)².

Русских инфинитивов без польских инфинитивных эквивалентов при поиске по всему корпусу оказалось 73 709 (в том числе 3 143 *быть*). В обратном направлении: польских инфинитивов, лишенных русских инфинитивных эквивалентов, оказалось лишь 23 950, т. е. в три раза меньше.

Диспропорция в пользу русских инфинитивов вызвана в основном их использованием в случаях (дополнения или главного члена подчиненного предложения), в которых польский язык использует герундии.

(15) Złamana [...] i źle później zestawiona noga zawsze mu dokuczała przy dłuższym chodzeniu (*Popiół i diament*);

Сломанная [...] нога срослась неправильно и с тех пор болела, когда приходилось много ходить (*Пепел и алмаз*).

В меньшей степени причиной этой диспропорции является частое в русском языке употребление односоставных инфинитивных предложений:

² Шаблоны являются не вполне точными, однако охватывают лишь незначительное количество неинфинитивных форм. Нельзя было, напр., оставить типичное для польского инфинитива окончание *eść, поскольку поисковая система выдает в таком случае многочисленные существительные типа *treść*. Поэтому шаблоны кроме окончаний включают также некоторые корни.

(16) Gdybyśmy rozstrajali się z byle powodu, chodzilibyśmy bez przerwy głodni (Wiktor Jerofiejew, *Rosyjska apokalipsa*);

Если расстраиваться по всякому поводу, будешь ходить голодным (Виктор Ерофеев, *Русский апокалипсис*).

Польские инфинитивы без инфинитивных эквивалентов в русском языке представляют собой чаще всего компоненты модальных эпистемических или деонтических конструкций. Итак, например, польским конструкциям *tać zrozumieć* соответствуют, как правило, личные формы глаголов *понять* или *понимать*. Таких примеров в П-РК 78.

(17) Sądziłem, że właśnie ty powinieneś mnie zrozumieć (*Popiół i diament*);

Мне казалось, ты меня поймешь (*Пепел и алмаз*).

(18) Troskliwy sługa przykładał kolejno oko i ucho do dziurki od klucza, dużo widział, dużo słyszał, ale nic nie mógł zrozumieć (B. Prus, *Lalka*);

Усердный слуга прикладывал к замочной скважине то глаз, то ухо, многое увидел, многое услышал, но ровно ничего не понял (Б. Прус, *Кукла*).

Перейдем к сравнению того же соотношения русских и польских инфинитивов в религиозных и юридических текстах. В переводе Библии в связи с архаизацией языка (польский инфинитив обладал раньше большим количеством функций) следовало бы ожидать меньших диспропорций. В свою очередь в польских юридических текстах, изобилующих отглагольными существительными, – бóльших.

Вопреки ожиданиям соотношение инфинитивных форм в библейских переводах не отклоняется от пропорций, установленных для всех корпусных текстов. Русских инфинитивов, которым в польском переводе Библии не соответствуют инфинитивные эквиваленты, оказалось 8 191 (в том числе 172 *быть*). Польских инфинитивов, лишенных русских инфинитивных эквивалентов, – лишь 37, т. е. в три раза меньше.

В тексте Уголовного кодекса русских инфинитивов, которым в польском оригинале не соответствуют инфинитивные формы, оказалось 1 152 (в том числе 3 *быть*). Польских инфинитивов, лишенных русских инфинитивных эквивалентов, – лишь 37, т. е. в 30 раз меньше.

Сказанное означает, что в юридических текстах диспропорция инфинитивных форм обоих языков в 10 раз выше, чем в общезыковых текстах. Решающее влияние на такое соотношение форм имеет герундий, несмотря на то, что и в русских юридических текстах *nomina actionis* употребляются намного чаще, чем в других функциональных сферах.

(19) ...pozbawienie możliwości otrzymania paczek żywnościowych na okres do miesiąca (Kodeks karny RP);

...лишение возможности получать продуктовые посылки на срок до месяца (Уголовный кодекс).

Первый польский герундий (*pozbowienie*), образующий юридический термин, обозначающий вид наказания, переведен с помощью отглагольного существительного *лишение*. Второй герундий (*otrzymania*), не обладающий статусом термина, переведен с помощью инфинитива.

Польские инфинитивы, лишенные русских инфинитивных эквивалентов, представляют собой, как правило, компоненты модальных конструкций. Таким конструкциям часто соответствуют русские возвратные глаголы, страдательные формы или лексические средства выражения модальности.

(20) Nie można rozpocząć wykonywania kary dyscyplinarnej po upływie 14 dni od jej wymierzenia (Kodeks karny RP);

Взыскание не исполняется, если прошло 14 дней со дня его назначения (Уголовный кодекс).

В русских юридических текстах отглагольное имя появляется даже там, где в польских личная форма глагола. Если в польском кодексе в позиции подлежащего лицо, совершающее преступление (интересно, что в несовершенном виде), то в русском названии преступления отглагольным существительным.

Несмотря на распространенность отглагольных существительных в русских юридических текстах, количественный перевес польских форм над русскими впечатляет – 2,6, т. е. еще больше, чем этот перевес в художественных текстах – 1,64.

Использование параллельных корпусов, в том числе П-РК Варшавского университета, позволяет подтвердить тезис о том, что польский инфинитив по сравнению с русским значительно меньше функционально нагружен. Различия касаются как номинативных, так и предикативных функций. В номинативной функции польский инфинитив может, как правило, заменяться герундием, в функции дополнения такая замена возможна достаточно часто, а в функции определения – почти всегда. Зато предикативные функции польского инфинитива ограничены, причем, прежде всего в повествовательных предложениях. В вопросительных же и в побудительных предложениях, несмотря на некоторые ограничения, инфинитив допустим.

Литература

- Брицын В. М., 1990, *Синтаксис и семантика русского инфинитива*, Киев: Наукова думка.
- Шелякин М. А., 2006, *Русский инфинитив (морфология и функции)*. Учебное пособие, Москва: Флинта – Наука.
- Bartnicka B., 1982, *Funkcje semantyczno-składniowe bezokolicznika we współczesnej polszczyźnie*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk: Ossolineum.
- Dickey S., 2000, *Parameters of the Slavic Aspect. A cognitive Approach*, Stanford CA: CSLI Publications.

- Doros A., 1975, *Verbalne konstrukcje bezosobowe w języku rosyjskim i polskim na tle innych języków słowiańskich*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk: Ossolineum.
- Gawęłko M., 2006, O tendencjach rozwojowych polskiego bezokolicznika, *Polonica*, t. XXVI–XXVII, c. 255–273.
- Haspelmath M., 1989, From Purposive to Infinitive – a Universal Path of Grammaticization, *Folia Linguistica. Historica*, Vol. X/1–2, c. 287–310.
- Łaziński M., 2011, Kto imieet uši słyšať, da słyšiť! Funkcje semantyczne bezokolicznika jako nadrzędnego predykatu w zdaniu polskim i rosyjskim [w:] M. Bańko, D. Kopcińska (red.), *Różne formy, różne treści. Tom ofiarowany Profesorowi Markowi Świdzińskiemu*, Warszawa: Wydział Polonistyki UW, c. 139–150.
- Maurice F., 1996, *Der modale Infinitiv in der modernen russischen Standardsprache*, München: Otto Sagner.
- Pisarkowa K., 1984, *Historia składni języka polskiego*, Wrocław–Warszawa: Ossolineum.
- Řeháček L., 1961, Syntaktická funkce polského infinitivu ve srovnání s češtinou [w:] K. Horálek, J. Kurz (red.), *Sborník slavistických prací věnovaných k IV. mezinárodnímu sjezdu slavistů v Moskvě*, 1958, Praha: Universita Karlova ve Státním pedagogickém nakl., c. 52–64.
- Veyrenc J., 1979, *Les propositions infinitives en russe*, Paris: Institut d'Études Slaves.
- Waldenfels R. von, 2012, Aspect in the imperative across Slavic – a corpus driven pilot study [w:] A. Grønn, A. Pazelskaya (eds.), *Oslo Studies in Language* 4 (1): *The Russian Verb*, c. 141–154.
- Weiss D., 1993, *Infinitif et datif en Polonais contemporain: un couple malheureux?* [w:] S. Karolak, T. Muryn (éds), *Complétude et incomplétude dans les langues romanes et slaves. Actes du VI Colloque international de linguistique romane et slave, Cracovie 29 sept.–3 oct. 1991*, Kraków: Wydawnictwo Naukowe WSP, c. 443–487.
- Wierzbicka A., 1997, *The Russian Language* [w:] A. Wierzbicka, *Semantics, Culture and Cognition*, Oxford: Oxford University Press, c. 395–424 (русский перевод: А. Вежбицкая, 1997, *Язык. Культура. Познание*, ред. М. А. Кронгауз, Москва: Русские словари).